

«Благословением праведных — возвышается город»

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО В КРАСНОЯРСКЕ

Керчь (где родился в 1877 году) и Кишинёв, Киев и Мюнхен, Петербург и Москва, Чита, Симбирск, Курск, Переславль-Залесский, Ташкент и Самарканд, Тюмень и Архангельск, Новосибирск и Омск, Тамбов и Мичуринск, Алушта и Одесса, Симферополь (где умер в 1961 году), и многие-многие другие города и деревни — связаны с жизнью Святителя Луки Войно-Ясенецкого.

В некоторых он останавливался надолго, в иных был проездом; где-то был по своей воле и по долгу службы (врачебной или религиозной), где-то — высланный и осуждённый, гонимый советской властью.

Эти места — так или иначе — стали вехами его полной драматизма, страннической и подвижнической судьбы.

Именно поэтому возникает потребность сохранения памятных мест, ставших неотъемлемой частью исторического и культурного наследия.

В нашем крае и Красноярске в ссылке легендарный хирург и архиепископ Лука Войно-Ясенецкий находился дважды: в середине двадцатых и в конце тридцатых — начале сороковых годов XX века. Время, проведённое в Восточно-Сибирском и — позднее — Красноярском крае, — оказалось для него особенно важным и значительным.

В Красноярске Валентин Феликсович свершил трудовой подвиг, оперируя самых сложных из поступавших в эвакогоспитали раненых бойцов Великой Отечественной войны. В Красноярске ему разрешили вернуться и к архиерейскому служению.

Память о нём жива в сердцах многих красноярцев, жителей Енисейска, Туруханска, Большой Мурты.

Одиннадцать лет тюрем и ссылок — не лишили его свободы во Христе, благородства и силы духа, присущих русским аристократам.

Это был человек беззаветной веры, несгибаемой воли и преданности долгу. Вокруг него складывались самые фантастические легенды. И неудивительно. Он поистине казался чудом Божественной природы.

За свою историю врачевания Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий спас жизнь тысячам солдат и офицеров, участвовавших в Русско-японской, Первой мировой и Великой Отечественной войнах, вернул здоровье сотням мирных людей.

И теперь, спустя десятилетия, есть множественные свидетельства об исцелении безнадежных больных после поездки на могилу Владыки Луки и обращения — молитвы — к нему. Известны описания того, как необычайным образом — со слов самих медиков — Святитель Лука как бы направлял руки хирургов во время тяжелейших операций.

Мы надеемся, что, листая эти страницы, Вы ощутите потребность найти автобиографию Святителя Луки Войно-Ясенецкого **«Я полюбил страдание»** (цитаты из книги — выделены синим курсивом в нашем издании), его трактат **«Дух, душа и тело»**, проповеди.

Когда читаешь автобиографию, становится понятно: если бы Луку спросили, как ему удалось свершить такой жизненный подвиг, он бы ответил: «Никаких подвигов у меня нет. Я хирург, и всего себя отдаю больному. Я епископ, и всего себя отдаю пастве. Я просто честно исполняю доверенное мне дело. И Господь ведёт меня».

От нашего издания не следует ожидать цельного описания личности Высокопреосвященного Луки; это и не биографический очерк.

Калейдоскопом мы избирали слова Святителя, перенося на страницы книжки, — с надеждой, что его голос достигнет Вашего сердца и отзовется в нём решимостью последовать идеалам, которые всей своей жизнью проповедовал Владыка Лука.

Выбор материалов диктовался заданной темой — пребывания его в Красноярске. И сам ряд фотоиллюстраций — по нашему замыслу — должен играть роль «параллельного текста». Ибо эти места, запечатлённые на фотокамеру, посещал Святитель Лука; здесь работал, жил, проповедовал.

И здания эти — особенно Дом Потехина и Николаевскую церковь — необходимо отреставрировать, чтобы привлечь к ним горожан, туристов, паломников.

Памятные места Святителя Луки Войно-Ясенецкого — должны существовать в неразрывной связи с исторической средой, с окружающим городским ландшафтом, которые представляют собой бесспорные в мемориальном отношении факторы.

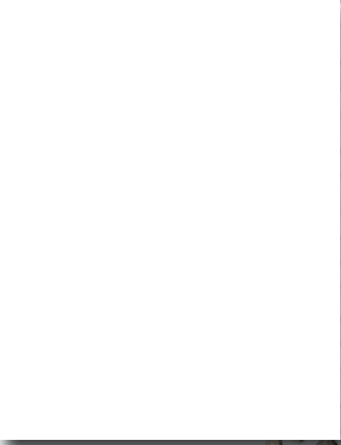
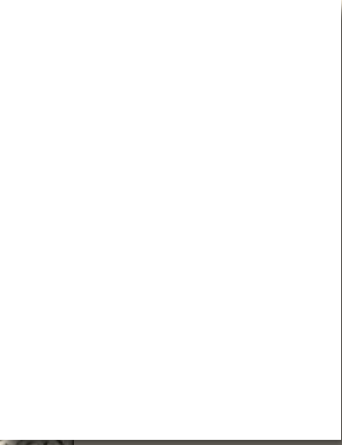
Неоднократно размышлял архиепископ — и в книгах, и в проповедях — о Божественном промысле, ведущем каждого человека по жизни. Судьба и есть линия одной жизни (как угодно ломаной, или, напротив, прямой; длинной или короткой), она таинственна и непонятна («Неисповедимы пути Господни»). Святитель Лука верил в предназначение, в неслучайность всего сущего. И всегда наставлял о личной ответственности каждого человека за свою судьбу.

* * *

Часто Владыка Лука говорил:

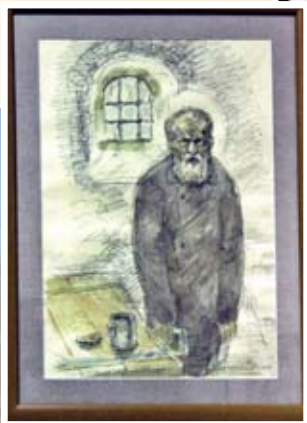
«Главное в жизни — всегда делать людям добро. Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое».

Это издание — малая частица нашей памяти и долга перед великим человеком, Святителем Лукой Войно-Ясенецким.

СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА В КРАСНОЯРСКЕ 9

- Школа № 10 (в годы войны — эвакогоспиталь 15-15) 10–13
- Дом Потехина 14–19
- Архиерейский дом 20–23
- Церковь Николая Чудотворца на Николаевском кладбище 24–27
- Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого 28–33

**СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА.
ХИРУРГ В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ.
АРИСТОКРАТ ДУХА. ЦЕЛИТЕЛЬ**

Профессор Ташкентского медицинского института и... святой XX столетия, проводивший операции в рясе, перекрестив хирургический стол и больного.

Земский врач (13 лет работы — в Симбирской, Саратовской, Курской, Ярославской губерниях — до 1917 года) и... преследуемый советской властью, гонимый епископ (11 лет в тюрьмах и ссылках в Сибири и Заполярье).

Один из немногих, чей бронзовый бюст был прижизненно установлен в галерее выдающихся хирургов в Институте неотложной помощи им. Склифосовского в Москве, и... церковный деятель, занесённый в списки высшего духовенства Русской православной церкви.

Автор «Очерков гнойной хирургии», удостоенных Сталинской премии первой степени в 1944 году, и... богослов, написавший религиозные трактаты «Дух, душа и тело», «Дух пророка Самуила».

Врач, блестяще знающий анатомию человеческого тела и глаза, и... священнослужитель, верящий, что в сердце помещается душа.

Классический дореволюционный интеллигент и... монах, талантливый художник-иконописец.

«Сколько людей, столько и путей к Богу. У каждого свой путь. В наше время он намного труднее. Сейчас на пути к Богу стоит много преград. Ведь мы живём в стране, где «Бог» пишется с маленькой буквы, а «КГБ» — с большой. Современному человеку пройти по водам невозможно. Уж если сам апостол Пётр тонул в море, то мы все в этом житейском море барахтаемся, как котят. Не стремитесь совершать великие подвиги и великие дела. Не всякий на это способен. От неудач возникают разочарование и апатия. Прежде всего, будьте добросовестны в малом, и Бог, видя Ваше старание в малом, подведёт Вас и к большому делу».

Св. Лука (сказано в начале 1950-х гг.)

...Осенью 1921 года в Ташкенте епископ Ташкентский и Туркменский Преосвященный Иннокентий Пустынский обратился к сорокадвухлетнему хирургу и профессору:

— Доктор, Вам надо быть священником!

Хотя, по признанию Войно-Ясенецкого, это было полной неожиданностью для него, ни минуты не размышляя, он отвечал:

— Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!

Вскоре был посвящён в сан диакона. Принятие священного сана приняли в штыки все его сотрудники. Молодые студентки делали дерзкие замечания и обличали хирурга-священника. Он снисходительно улыбался...

«В праздник Сретения Господня 1921 года я был рукоположен во иерея епископом Иннокентием».

С начала 1920-х годов Войно-Ясенецкий ходил по ташкентским

улицам в рясе, с крестом, невероятно раздражая и нервируя городское начальство. Главный врач городской больницы, общепризнанный Первый хирург, председатель местного Союза врачей... И — профессор, читающий с крестом на груди лекции в университете, на кафедре топографической анатомии и оперативной хирургии...

«Преосвященный Иннокентий, редко проповедовавший, назначил меня четвёртым священником собора и поручил мне всё дело проповеди. При этом он сказал мне словами апостола Павла: “Ваше дело не крестить, а благовествовать” (1 Кор. 1; 17). Он хорошо понимал, что говорил. Моим призванием от Бога были именно проповедь и исповедание имени Христова. За десятилетия моего священства я почти никаких треб не совершал, даже ни разу не крестил полным чином крещения.»

Сам же Валентин Феликсович говорил:

«Я — обычный человек. Помогаю людям как врач, помогаю и как служитель Церкви. Я верующий в слова Господни...»

Мой долг — защищать проповедь оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому.

...Быть священнослужителем, а тем более епископом, — мне и во сне не снилось, но неведомые нам пути жизни нашей вполне известны Всеведущему Богу, ещё когда мы во чреве матери».

Пребывая в непрестанной молитве, он с именем Божиим слепых делал зрячими, лежачих поднимал на ноги, трудился в самых тяжёлых условиях.

беседы на важные и трудные богословские темы, привлекавшие много слушателей. Целый цикл бесед был посвящён критике материализма. Богословского образования не имел, но с Божией помощью легко преодолевал трудности таких бесед».

Через полтора года о. Валентин Войно-Ясенецкий в своей ташкентской квартире был тайно пострижен в монашество ссыльным Преосвященным Андреем Уфимским (князем Ухтомским) — по благословению святейшего патриарха Тихона:

«Преосвященный Андрей сказал мне, что первоначально хотел дать мне имя целителя Пантелеимона, но когда побывал на Литургии, совершённой мною, и услышал мою проповедь, то нашёл, что мне гораздо более подходит имя апостола-евангелиста, врача и иконописца Луки.»

Архиереем я стал 18/31 мая 1923 года».

СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА В КРАСНОЯРСКЕ

Впервые в Красноярск епископ Лука попадает в 1923 году — ссыльным ээком — после ареста в Москве и назначенной ссылки:

«Ехали поездом. В Красноярске нас посадили в большой подвал двухэтажного дома ГПУ. Подвал был очень грязен и загажен человеческими испражнениями, которые нам пришлось чистить, при этом не дали даже лопат. Рядом с нашим подвалом был другой, где находились казаки повстанческого отряда. Никогда не забуду оружейных залпов, доносившихся до нас при расстреле казаков. В подвале ГПУ мы прожили недолго, и нас отправили дальше по зимнему пути — в город Енисейск, за 320 километров к северу от Красноярска.»

Из Енисейска Св. Луку отправили в Туруханск, затем — в заполярный станок Плахино (всего пять жилых домов)...

По окончании ссылки в январе 1926 года — Войно-Ясенецкий возвратился в Красноярск:

«Мой путь по Енисею в Красноярск был поистине архиерейским, ибо на всех тех остановках, в которых были ещё церкви, и даже действующие, меня встречали колокольным звоном, и я служил молебны и проповедовал.»

Он сделал в городской больнице показательную для местных хирургов «оптическую иридэктомия» — операцию по возвращению зрения путём удаления части радужной оболочки.

Из Красноярска епископ Лука отправился поездом в Черкассы, где жили родители и брат Владимир, а потом вернулся в Ташкент.

...В 1937 году в Ташкенте хирурга и священника В. Ф. Войно-Ясенецкого арестовали в очередной, четвёртый, раз. Обвинение: шпионаж. Шестидесятилетнего архиерея тринадцать суток пытали методом «конвейера» (когда садисты-чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днём, ни ночью).

Голод, издевательства, грязь, побои... Через восемь месяцев его осудили и отправили в пятилетнюю ссылку в Сибирь.

И вот опять в Красноярске — конвойным ээком в 1938 году:

«В Красноярске нас недолго продержали в пересылочной тюрьме на окраине города, и оттуда повезли в село Большая Мурта, около 130 вёрст от Красноярска. Там я первое время бедствовал без постоянной квартиры, затем дали мне комнату при районной больнице и предоставили работу в ней вместе с тамошним врачом и его женой, тоже врачом. Позже они говорили мне, что я едва ходил от слабости после очень плохого питания в ташкентской тюрьме, и они меня считали дряхлым стариком. Однако довольно скоро я окреп и развил большую хирургическую работу в большемуртинской больнице. Здесь также я имел возможность написать много глав своей книги “Очерки гнойной хирургии”».

«Я изучал медицину с исключительной целью помогать бедным и страждущим людям»

Средняя школа № 10 (ул. Ленина, 114).

Здание воздвигнуто в 1937 году, в 1950-х надстроен четвёртый этаж

В Москву – таковы были порядки! – эту телеграмму не передали, а направили в Красноярский крайком. Там долго обсуждали: посылать или не посылать телеграмму Калинин. Вспомнили, что Войно-Ясенецкий – профессор, учёный с мировым именем, что книги его издавались в Лондоне, что докторскую диссертацию он защитил ещё в 1916 году (за неё, кстати, получил от Варшавского университета премию имени Хойнацкого «За лучшие сочинения, пролагающие новый путь в медицине»), что он автор фунда-

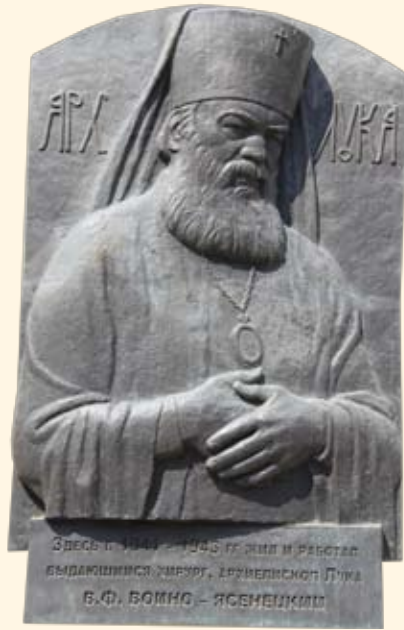
ментальной монографии «Очерки гнойной хирургии» (опубликована в 1934 году)...

Решено было телеграмму всё-таки отправить. Из Москвы приказали: профессора перевести в Красноярск, который должен был стать последним на Востоке пределом эвакуации раненых. Был организован МЭП (местный эвакуационный пункт) 49, состоящий из десятков госпиталей и рассчитанный на несколько тысяч мест. С фронта уже шли в Сибирь первые санитарные эшелоны. МЭП нуждался в зданиях, белье, продуктах, а главное – в подготовленных врачах.

Когда началась война, ссыльный Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий пришёл к руководству Большемуртинского райцентра и предложил свои опыт, знания, мастерство для лечения воинов Советской армии.

Тогда же он отправил телеграмму на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина:

«Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука».

На фасаде установлена мемориальная доска

Хирург В. Н. Зиновьева: «Он учил нас, своих помощников, и “человеческой хирургии”: с каждым раненым он как бы вступал в личные отношения, помнил фамилию, подробности операции и послеоперационного периода».

Хирург В. А. Суходольская: «Мы, молодые хирурги, к началу войны мало что умели делать. На Войно-Ясенецкого смотрели мы с благоговением. Он многому научил нас. Остеомиелиты никто, кроме него, оперировать не мог, а гнойных ведь было тьма! Он учил и на операциях, и на своих отличных лекциях. Лекции читал в десятой школе раз в неделю».

Доктор Р. А. Браницкая: «В операционной Войно-Ясенецкий работал спокойно, говорил с персоналом тихо, ровно, конкретно. Сёстры и ассистенты никогда не нервничали на его операциях. Ткани шил он красивым швом – настоящая беловшивейка. И швы его быстро зарастали».

Врач-рентгенолог В. А. Клюге: «Главный хирург-консультант В. Ф. Войно-Ясенецкий посылал меня и других молодых людей госпиталя 15-15 на железнодорожный дебаркадер, где разгружали санитарные поезда. Он просил разыскивать раненых с гнойными, осложнёнными поражениями тазобедренного сустава, тех, кого большинство хирургов считало обречёнными. Медики соседних госпиталей были рады, когда мы увозили к себе, в десятую школу, всех этих “безнадёжных”. Многие раненые из этой категории были возвращены к жизни, а кое-кто смог вернуться в строй».

За Уралом не было более квалифицированного специалиста, чем Владыка Лука, профессор Войно-Ясенецкий.

«В конце июля прилетел на самолёте в Большую Мурту главный хирург Красноярского края и просил меня лететь вместе с ним в Красноярск, где я был назначен главным хирургом эвакогоспиталя 15-15. В нём я и проработал не менее двух лет; и воспоминания об этой работе остались у меня светлые и радостные.

Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда я обходил палаты по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами».

По приезду Валентин Феликсович общил сыну Михаилу:

«Я назначен консультантом всех госпиталей Красноярского края. Устроился отлично...».

При этом – работал на положении ссыльного, дважды в неделю был обязан отмечаться в милиции.

Как же – «устроился отлично»?

Первый год пребывания в нашем городе Войно-Ясенецкий жил в сырой, холодной комнате, которая до войны использовалась для хранения дворницкого инвентаря. На госпитальной кухне, где готовилась пища на 1200 человек, хирурга кормить не полагалось. Санитарки тайком приносили тарелки с кашей.

Отметим: Луке уже было 64 года...

«В первое время моей работы в Красноярске отношение ко мне было подозрительное».

Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий (в центре) среди врачей и раненых офицеров эвакогоспиталя 15-15, 1943 г.

Осенью 1941 года в письме к сыну Михаилу Валентин Феликсович заметил, что работать приходится в невыносимых условиях: штат неумел и груб, врачи не знают основ хирургии.

«Я дошёл до очень большой раздражительности, и на днях перенёс столь тяжкий приступ гнева, что пришлось принять дозу брома, впрыснуть камфару. В таких условиях ещё никогда не работал».

Хирургу с сорокалетним опытом действительно не приходилось сталкиваться с подобным всеобщим беспорядком – ни в госпиталях времён Русско-японской, ни Первой мировой войн. (В 1904 г. был заведующим военно-полевой хирургии в госпитале Киевского Красного Креста под Читой; в 1915–1916 гг. – заведующим госпиталя для раненых в Переславле-Залесском.)

Он нервничал; случалось, что даже выгонял нерадивых помощников из операционной. На него «стучали» по начальству. Возникали разбирательства, госпиталь посещали многочисленные проверочные комиссии.

Громадной скорбью была для Луки невозможность служить в храме.

Как и прежде, в годы ссылки и тюрем, он терпел всё с глубокой преданностью Воле Божьей.

Из письма сыну Михаилу:

«Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу».

Весной 1942 года отношение властей к нему улучшилось: стали выдавать обед, завтрак и ужин с общей кухни, позаботились и об улучшении условий работы и проживания.

Татьяна Ивановна Казанова,
директор школы № 10:

– История установки на здании школы памятной доски и создания школьного музея В. Ф. Войно-Ясенецкого – длинная и сложная; связана с большим количеством людей.

Инициатором установки мемориальной доски был студент архитектурного института Семён Кожевников. Он создал и возглавил Фонд увековечивания памяти, организовал людей. Собрали деньги.

Памятную доску создал народный художник России Борис Ильич Мусат.

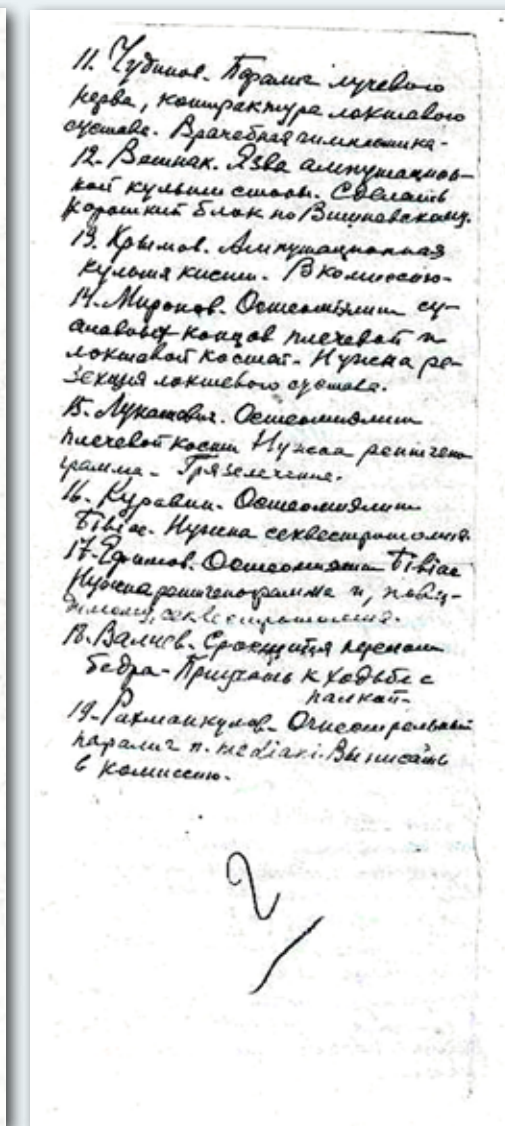
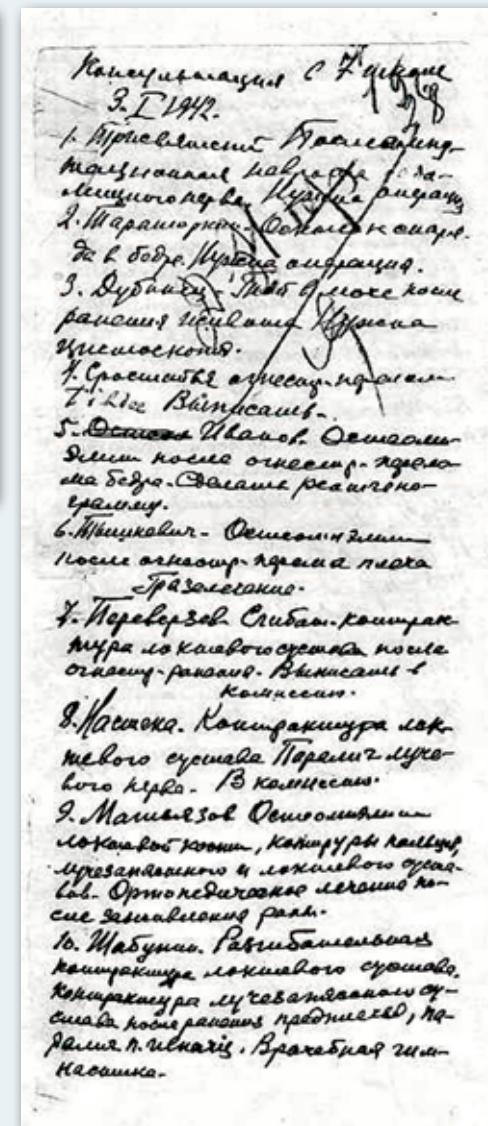
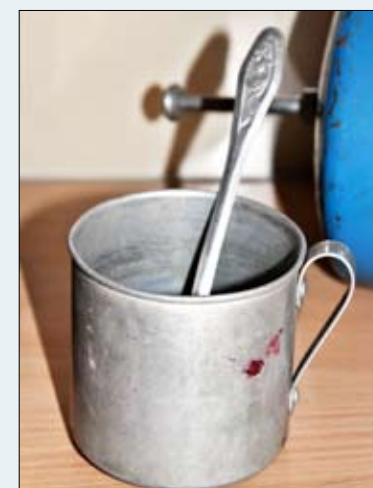
14 июня 1998 года архиепископ Красноярский и Енисейский Антоний её освятил.

Музей «Святитель Лука Войно-Ясенецкий» открыт в школе 4 мая 2005 года.

География посетителей музея очень обширна – мы даже нарисовали карту. На ней нанесено больше 240 точек.

Фрагмент отчёта о консультациях, проведённых профессором В. Ф. Войно-Ясенецким за февраль 1942 г. Хранится в Государственном архиве Красноярского края

Из письма от 20 июня 1942 года Н. П. Пузину:

«Завтра переберусь в новую квартиру (где была аптека). Там будут самые лучшие условия для размышлений на религиозные темы, которыми я теперь занят; тишина, покой, одиночество».

«Из persona odiosa я быстрыми темпами становлюсь persona grata»

Весной 1942 года отношение властей к необычному хирургу улучшилось: стали выдавать трёхразовое питание с общей кухни.

В скором времени предоставили жильё — у врача-стоматолога Сусанны Степановны Потылицыной (она стала использовать методику Войно-Ясенецкого по оперированию с применением местной анестезии). Есть свидетельства, что Св. Лука останавливался в этом доме с 1939 года.

Появилось пристанище, где он занимался и врачебной практикой, и религиозной деятельностью.

Хотя по-прежнему Войно-Ясенецкий бедствовал, натура его отвергала ярлык второсортности. Его не унижали ни придирки начальников и проверяющих комиссий, ни голод, ни обветшалая одежда, ни убогое жилище. За годы тюрем и ссылки он привык к подобным условиям.

На дверях его квартиры появилась табличка, извещающая, что по церковным делам профессор принимает во вторник и пятницу с 6 до 8 вечера. В то время, как современники, кто с изумлением, кто с ухмылкой, взирали на это «чудо», сам Св. Лука был совершенно невозмутим. В новом, а, по существу, возвращённом ему старом положении он никакого чуда или противоречия не усматривал.

В день, когда исполнилось двадцать лет его рукоположению в епископы (31 мая 1943 года), Войно-Ясенецкий напомнил своему сыну давнюю поездку из Ташкента в Пенджикент:

«Это было начало того тернистого пути, который мне надлежало пройти... Но зато был и путь славы у Бога. Верю, что кончились страдания...».

Дом Потехина (ул. Вейнбаума, 21)

Двухэтажный деревянный дом заслуживает самого пристального внимания.

В 1881 году именно с этой усадьбы от спички пьяного кучера начался грандиозный пожар, опустошивший полгорода; а дом уцелел! Усадьба мещанина Е. И. Потехина — уникальное здание в составе ценной исторической застройки по ул. Вейнбаума (ранее — пер. Гимназический) — внесена в Список выявленных памятников культурного и исторического наследия.

Фрагменты
декоративного фасада

Из паспорта объекта культурного наследия: «Добротный деревянный дом с анфиладным расположением залов на каменном цоколе, под железной вальмовой крышей, вытянут в глубину участка. По структуре — это дом-«шестистенок» с большим прирубом с запада.

В соответствии с ближайшими домами улицы, бывшей Гимназической, восточный фасад обшит нарядным тёсом. После пожара 1881 г. дом был оштукатурен по южному и северному фасадам.

Лицевой фасад в четыре крупных окна, отмеченный дощатыми пилястрами, имеет и парадное крыльцо, что было не характерно для красноярских казачьих домов с боковыми красными крыльцами. Особый интерес представляет его резной декор с элементами характерной накладной резьбы, сухариками и фестонами — богатого ярусного фриза под профилированным карнизом широкого выноса. Достояна сохранения и редкая резьба с древними символами рисунка пропильного орнамента. Парадная дверь обшита «в ёлку» с фигурными филёнками. В узоре фрамуги над дверью включена буква «П»».

Общая оценка общественной, научно-исторической и художественной значимости памятника:

«Своеобразный по отделке деревянный жилой дом усадебного типа, сохранивший основу первоначальной планировочной структуры первой половины XIX века, охраняется в комплексе исторической зоны Губернской гимназии. Объект культурного наследия регионального значения — посвящён трудовому подвигу Святого Луки в Сибири.

В настоящее время дом брошен; а мог бы служить православным паломникам и горожанам как музей Святого Луки (хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого), охраняемый штабом городского казачьего круга».

Из воспоминаний врача-окулиста Галины Ивановны Шаминой:

«В 1939 году мои родители жили в Красноярске. Мне было тогда четырнадцать лет. Случилось, что товарищ детства Вася Боруткин натёр в походе пятку, в ранку попала инфекция, возникла гангрена. Омертвление поднималось по ноге всё выше и выше. Не помогало никакое лечение. Мальчик был так истощён, что у хирургов не оставалось надежды на успешную операцию. И тогда родители Васи бросились в местное управление НКВД и там добились разрешения привезти из деревни Большая Мурта профессора Войно-Ясенецкого.

Он приехал. В ожидании, когда больного приготовят к операции, остановился в маленьком домике Боруткиных. Тут его впервые и увидела.

Постучав в дверь комнаты, я услышала приятный бархатный голос: «Войдите», а войдя, увидела очень большого, высокого и полного старца с большой седой бородой. На нём были чёрные брюки, чёрный свободный сюртук, глухо застёгнутый, на голове — чёрная же матерчатая шапочка. Я в первый момент растерялась; но стоило ему ласково на меня посмотреть и пригласить войти в комнату, как растерянность моя исчезла, и я почувствовала, как будто этого человека я знаю давным-давно. Я стала со слезами просить его спасти Васю. Он погладил меня по голове и сказал своим низким голосом: «Ты добрая девочка, мы будем друзьями. Я всё сделаю, чтобы спасти Васю, но только ногу его я уже спасти не могу — поздно! Смириться же с утратой ноги сможешь ему ты». Через час Валентин Феликсович начал операцию. Вася остался жить, а с Валентином Феликсовичем мы действительно стали друзьями. Когда он уехал к себе в деревню, мы долго переписывались.

В начале войны мою маму-врача призвали на военную службу и отправили на Дальний Восток; отца в 1942 году тоже мобилизовали, и он ушёл на фронт.

Я — шестнадцатилетняя девочка — осталась вдвоём со старенькой, больной бабушкой. Очень трудно было нам. Отец мой был солдатом и ничем помочь не мог, мама присылала по аттестату шестьсот рублей; но что стоили эти деньги, если килограмм масла стоил тысячу двести — тысячу пятьсот рублей... Но вот в Красноярск перевели Валентина Феликсовича. Он зашёл к нам, посмотрел, как мы живём, и сказал, вернее, спросил меня: «У тебя нет дедушки, а ты хотела бы его иметь?» — «Конечно», — сказала я. — «Ну вот, я и буду твоим названным дедушкой, ты меня теперь и называй дедушкой, а не по имени-отчеству. Приходи ко мне один раз в неделю, в пятницу, к пяти часам. Но помни: я очень занят, время моё рассчитано по минутам — старайся не опаздывать, твоё время до шести часов». Я строго придерживалась отведённого мне регламента, не опаздывала и ни на минуту не задерживалась после шести. Я рассказывала ему об успехах в школе, о друзьях; он — о раненых, которых оперировал, о великом деле врача. Время пролетало незаметно, и я вновь с нетерпением ожидала встречи. Однажды я пригласила его в кино. Он улыбнулся своей доброй улыбкой (по виду своему солидному он производил впечатление сурового человека, а вот улыбка у него была добрая, располагающая) и сказал: «Нет, Галочка, мирские увеселения не для меня, ведь я монах»».

Из писем

«Вчера получил четыре букета цветов от больных командиров... Командиры звывали директора обувной фабрики и заказали мне сделать ботинки по мерке и достать резиновые сапоги для операций. Заказали также две смены белья, два полотенца, носовые платки. С первого июля живу в новой квартире... В августе поеду в Иркутск, на межобластное совещание главных хирургов...»

5 июля 1942 г.

«...В Иркутске мне устроили настоящий триумф с аплодисментами, не принятыми на съездах. В заключительной речи председатель чрезвычайно превознёс мой доклад, книгу и операции... По возвращении из Иркутска меня ждал ещё сюрприз: без меня приезжал глава Тувинского правительства со свитой. Было большое заседание в нашем госпитале, который тувинцы взяли под своё шефство, и были все красноярские власти... Превозносили мою работу, и тувинцы подарили мне часы... Мнение о мне в правящих кругах самое лучшее, и доверие полное. Слава Богу!»

29 августа 1942 г.

Св. Луки:

«...Прогрессирует моя творческая работа. Совсем по-новому я стал теперь делать резекции коленного сустава, и моя новая техника будет немалым вкладом в хирургию. Моя операция распилы пятки при остеомиелите и фронтальный распил огромной костной мозоли нижнего конца бедра приводят в восторг хирургов, испытавших эти операции. Мои лекции врачами чрезвычайно высоко ценятся. Их усердно слушают доценты и профессора... Почёт мне большой: когда вхожу в большие собрания служащих или командиров, все встают».

18 октября 1942 г.

«Праздник 25-летия советской власти прошёл для меня необыкновенно: четыре дня подряд меня приглашали на торжественные заседания и ужины на трёх этажах госпиталя. Их устраивали шефы. Ярво выразилась любовь ко мне больных. Шефы из крайкома подарили мне пять хороших книг, только что изданных, а жена первого секретаря крайкома принесла мне на квартиру прекрасный торт. Заказали для меня валенки, достали записных книжек».

8 ноября 1942 г.

Из книги Марка Поповского

«Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга»:

«Особенно любила напоминать ссыльному хирургу о его гражданской неполноценности заведующая краевым отделом здравоохранения Екатерина Астафьева. Дама эта, более памятная красноярцам под именем Екатерины Великой, даже пришибленных провинциальных врачей поражала своей бесцеремонностью и откровенным хамством. Её скорый и неправедный суд, как правило, завершался приказом: «Отстранить!», «Объявить выговор!», «Уволить!». Грубые окрики, вмешательство в личную жизнь довели многих медиков до инфаркта. Крайздрав-самодур держала при себе кучку доносчиков, которые делали её всеведущей. О Войно-Ясенецком сведения поступали самые неблагоприятные: верующий, повесил иконы в комнате, дома у себя принимает местных священников. По этому поводу Астафьева несколько раз в присутствии посторонних делала ему грубые замечания. Он не возражал, но как будто не слышал её слов. И вообще держался так, будто и не ссыльный он. Астафьева злилась, искала случая унизить надменного, как ей казалось, подчинённого. Но ни своим служебным поведением, ни уровнем профессиональной квалификации Лука повода для разноса не давал.

Всякий раз, когда в Красноярском крайкоме партии решался вопрос о печатании «Очерков гнойной хирургии», член бюро крайкома Астафьева напоминала своим партийным коллегам, что автор книги — нераскаявшийся церковник, и выпустить его труд значило бы допустить серьёзную политическую ошибку. Политическая ошибка — жупел, которым в сталинскую эпоху можно было запугать кого угодно.

... Те, кто встречал Войно-Ясенецкого в первую военную зиму в Красноярске, вспоминают грузную фигуру в глухо застёгнутом чёрном френче, усталые глаза, опущенные плечи. В письмах к родным, всегда таких оптимистических, начинают проскальзывать грустные нотки. То кажется ему, что жизнь подошла к концу, то возникает непреодолимая тоска по детям, с которыми не виделся он более пяти лет. «Как я уже стар!» — восклицает Войно-Ясенецкий, отметив очередную годовщину своего священства.

Открытие церкви освободило Луку от многолетней душевной стеснённости. Правда, кладбищенская церковь в Николаевке до крайности мала, да и от города далека, полтора часа ходу. Но это х р а м! И Владыка с нежностью расписывает сыну первое богослужение, «о котором мало кто знал, но всё-таки пришло человек двести. В алтарь так же трудно было пройти, как на Пасху. Многие стояли на дворе».

Потом возникли новые проблемы: в Николаевской церкви, по малости её, архиерейское служение оказалось невозможным. Открыть второй храм власти обещали только через год. Не было пока и церковных облачений. Как и двадцать лет назад, в Ташкенте, Владыка вышел на амвон в чужой рясе и клобуке. «В театре много архиерейских облачений, но нам не дают их, считая, что важнее одевать их актёрам и кромсать, перешивая для комедийных действий».

...Через двадцать два года профессор Войно-Ясенецкий, перед тем за свою веру трижды арестованный и сосланный, снова свободно произносит проповеди в церкви и лекции в госпитале».

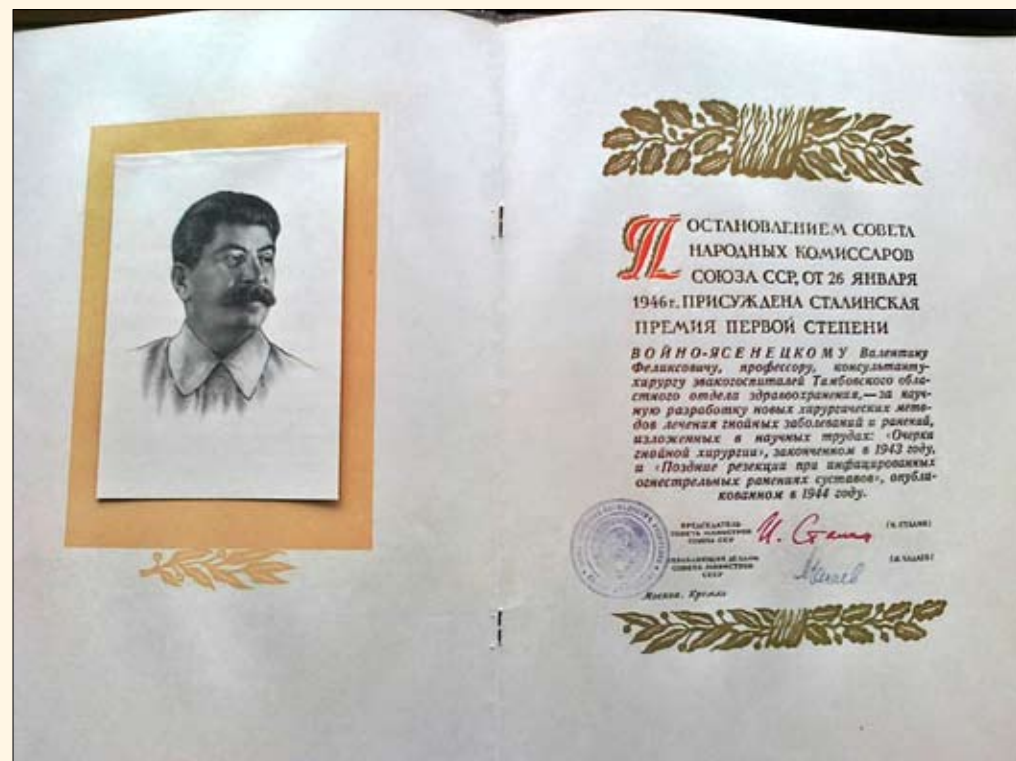
Окончание ссылки, общественное положение позволили Епископу Красноярскому начать хлопоты о переводе из Сибири.

Южанин, Валентин Феликсович давно уже тосковал по теплу, солнцу, фруктам. Но в Среднюю Азию возвращаться не хотел. Теперь Ташкент представлялся ему хирургической и церковной глушью. Но прежде, чем вырваться на запад, пришлось выдержать «сражение» с местным начальством. Должностные лица ни за что не хотели расставаться с Лукой: он стал своеобразной местной достопримечательностью.

Осенью 1943 года ему старались угодить и гражданские, и военные власти. В списке лучших врачей края фамилия Войно-Ясенецкого стояла в то время на первом месте.

И вот телеграмма наркома здравоохранения Третьякова: «Согласовали с патриархией Ваш перевод в Тамбов. Широкое поле деятельности в госпиталях и крупной больнице». Одновременно патриарх Сергей специальным Указом назначил Луку Архиепископом Тамбовским и Мичуринским.

Переезд в Тамбов состоялся в феврале 1944 года.

«Приобретаю большой опыт (восемьдесят поздних резекций колена, например), изобретаю новые операции. Очень заботятся об улучшении условий моей работы, и уже почти не приходится раздражаться...»

5 декабря 1942 г.

«Профессор Приоров из Москвы в своём отзыве назвал мою книгу одной из самых замечательных в области гнойной хирургии. Профессор Мануйлов положительно до небес вознёс мою книгу и ярко подчеркнул её значение для хирургии войны».

12 декабря 1942 г.

«...Моё здоровье неважно: 18 декабря я выписался из больницы крайкома, по видимому, поправившись. Но уже на другой день опять слёг в постель вследствие большой слабости сердца... Больные и сотрудники заботятся обо мне. Начальник госпиталя доцент-терапевт говорил, что по выздоровлении я не должен работать больше 4-х часов в сутки...»

21 декабря 1942 г.

«Печатанье книги ещё не началось, но самым категорическим образом утверждают, что издадут тиражом в пять тысяч, а может быть, и десять тысяч... Отношение ко мне здесь самое лучшее, популярность такая же, как в Ташкенте. Шефы из крайкома узнали, что у меня обветшали рубахи, и принялись шить для меня две рубахи, чуть ли не шелковые. Ещё одна новая сшита, и кальсоны из подаренной материи; так что белья будет достаточно».

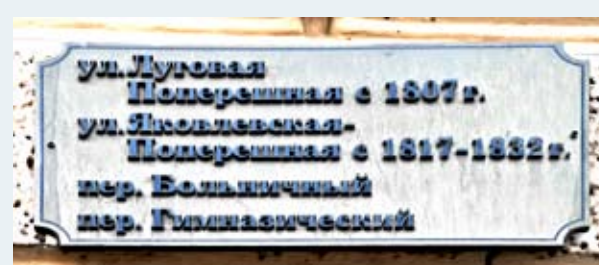
14 февраля 1943 г.

Архиепископ Лука

Увековечим память о Святителе Луке в Красноярске!

Улица Вейнбаума со стороны Коммунального моста

В январе 2006 года участники VII краевых Рождественских чтений подписали письмо в администрацию г. Красноярска с предложением переименовать улицу Вейнбаума в улицу Войно-Ясенецкого.

«Мы предлагаем: стереть с карты города имя Григория Вейнбаума — первого председателя губисполкома, который не пробыл на этом посту и полугодом, но успел создать первый ревтрибунал, о кровавых расправах которого хорошо известно; позднее его заменят так называемые тройки НКВД.

Одной из жертв ревтрибунала, созданного в эти же годы в Средней Азии, стал выдающийся хирург, архиепископ Лука, Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий. Пять уголовных дел были заведены на него, по двум из них он отбывал ссылку на территории нынешнего Красноярского края. Во время второй ссылки, будучи уже в 60-летнем возрасте, прошедший через госпитали войны 1905 года и Первой мировой, он возглавил эвакогоспиталь 15-15 в Красноярске. Тысячи спасённых солдатских жизней на счету владыки Луки; его знаменитым научным трудом по гнойной хирургии пользуются медики и по сей день; его богословские работы популярны и сейчас, спустя многие годы после их написания.

...Предлагаем улицу Вейнбаума переименовать в улицу Войно-Ясенецкого. Именно на ней стоит старинный деревянный дом под номером 21, где опальному Владыке определили место жительства на время его работы в госпитале. На этом деревянном особняке нет никакой мемориальной таблички.

Улица эта невелика, но очень значима, она соединяет Качу с Енисеем и выводит на Коммунальный мост, ведущий на правый берег. Поскольку она густо заселена, переименование не потребует больших денежных средств.

Справедливость должна быть восстановлена.

Предлагаем рассматривать это письмо как официальное заявление участников Рождественских образовательных чтений в адрес комиссии по переименованию улиц и площадей Красноярска, созданной при городском муниципалитете.

Надеемся на положительный ответ, и на то, что эта улица обретёт, наконец, имя человека, достойного и памяти, и подражания ему, а город Красноярск получит святого покровителя».

(Всего 13 подписей)

Протяжённый двухэтажный каменный дом в псевдорусском стиле имеет симметричную основу с пристроенной домовою церковью, где размещалась приёмная первого архиепископа Енисейской епархии Никодима (в миру — Никиты Ивановича Казанцева).

За время своего служения на Енисейской кафедре (основана в 1861 году) он дважды объехал всю эту неизмеримую епархию, и знал её лучше всякого другого места, даже лучше Московской епархии, где родился; побывал во всех 175 приходах. Все знавшие Никодима отмечали необыкновенную доброту его души. Как только он получал деньги, то тут же оделял толпы нищих и бедняков. Деньги у него никогда не задерживались. Даже когда преосвященному потребовалось ехать в Москву, он вынужден был одолжить средства на дорогу из Енисейского попечительства. За доброе сердце архиепископ был любим бедняками, о чём сам писал: «Сверху меня не любят, а с нижними я всегда хорош. Тут меня любят».

Здание возводилось более 40 лет — с 1866 года; в его проектировании принимали участие ведущие архитекторы Красноярска.

Первые варианты были предложены Я. И. Алфеевым, который руководил работами по возведению Кафедрального собора — по проекту К. А. Тона — на Новособорной площади (ныне — пл. Революции). Здание было обращено восточным фасадом именно к площади, и вместе с Кафедральным собором формировало целый квартал, составляя единый архитектурный ансамбль.

«Не может погаснуть свет Христов, не может прекратить своё существование Церковь христианская»

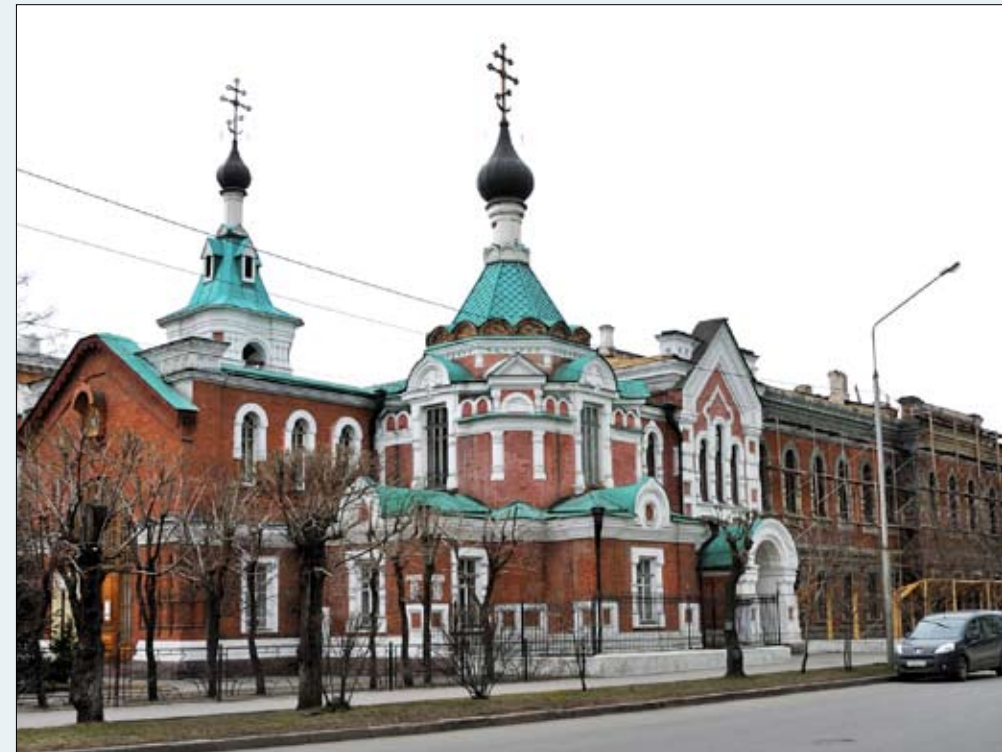

Архиерейский дом (ул. Горького, 27)

В 1866 году утверждён проект А. Ф. Хейна: деревянный Архиерейский дом — административный центр епархии, в котором располагались личные покои архиерея и церковная канцелярия. С 1886 года строительство дома продолжил городской архитектор А. В. Жуков — пристроена домовая церковь Иоанна Предтечи.

Каменное здание было воздвигнуто в 1890-х годах по проекту архитекторов П. И. Масленникова и Е. Л. Морозова. Общая протяжённость — 70 метров.

В 1900-х годах перестроена парадная лестница, произведено расширение церкви, надстроена трапезная, по-новому решены интерьеры (по проекту А. А. Фольбаума).

Каменная ограда вокруг дома была воздвигнута в 1904 г.

В церковные праздники в зале для приёмов и церемоний собирались духовенство, губернатор, глава города и «общественность». Переулок, в котором располагался Архиерейский дом, стал называться Архиерейским.

Дальнейшая история здания символично отражает трагические этапы истории России XX века.

В начале 1920-х годов разобраны шатры звонницы и домовою церкви.

По проекту В. А. Соколовского сделана перепланировка внутренних помещений

сооружения, чтобы приспособить их для размещения беспризорников, поскольку при муниципализации Архиерейский дом был передан больнице губздрави и детскому дому Губоно. Здесь же находились до середины 1920-х годов красноярский отдел ЗАГСа и дом ребёнка № 1, терапевтическая больница.

С 1924 года в доме размещён туберкулёзный диспансер. В 1930 годах — городская поликлиника № 2.

Во время Великой Отечественной войны здесь находилось подразделение эвакогоспиталя 15-15. После войны — размещались больница и травматологический пункт. В

позднесоветский период — онкологический диспансер.

Не удивительно, что здание претерпело значительные утраты, простояв в заброшенном и бесхозном состоянии. В середине 1990-х годов проведён первый этап реставрации. Конструкции и элементы декора были частично демонтированы.

Указом Президента РФ от 20 февраля 1995 года — Архиерейский дом включён в список объектов культурного и исторического наследия федерального значения.

В 1997 году — передан в эксплуатацию Енисейской епархии.

15 ноября 2002 года в сквере перед Архиерейским домом установлен памятник Святителю Луке. Авторы — скульптор Б. И. Мусат и архитектор С. М. Геращенко.

Помимо того, что епископ Лука много оперировал в бывшей школе № 10, превратившейся в госпиталь 15-15, — он должен был консультировать в других зданиях госпиталей. Согласно сохранившемуся списку консультаций, данных профессором за три недели 1942 года, он побывал в семи госпиталях, осмотрел более 80 человек.

Он забирал к себе больных и раненых с наиболее тяжёлыми поражениями. Многие из них (из «безнадёжных») — были вылечены.

В тыловых госпиталях хирурги работали не менее напряжённо, чем на фронте. Из архивных материалов видно, что Войно-Ясенецкий проводит в операционной ежедневно по девять-десять часов, совершая до пяти больших операций. Сотни раненных в колено, суставы рук и бедро, жертвы остеомиелита — проходят через его руки. Поток!

Из письма к сыну:

«...Тяжело переживаю смерть больных после операции. Было три смерти в операционной, и они меня положительно подкосили. Эти мучения я переношу всё тяжелее и тяжелее».

К январю 1943 года все 10 тысяч коек в госпиталях Красноярска были заняты; а с фронта ехали эшелоны с ранеными и больными. Красноярск был самым дальним городом, куда доходила волна медицинской эвакуации. И когда, преодолев тысячи километров, санитарные поезда добирались до берегов Енисея, раны успевали нагноиться, костные ранения оборачивались запущенными формами остеомиелита.

И везде Св. Лука молился за выздоровление больных и раненых, открыто исповедуя свою веру. Не тайл и того, что его за это преследуют.

Говорил:

«Мне твердят: “Сними рясу”, но я этого никогда не сделаю. Она, ряса, останется со мной до конца, смерти. Не знаю, что они от меня хотят. Я — верующий. Я помогаю людям как врач, помогаю и как служитель Церкви. Кому от этого плохо? Как коршуны, нападают на меня работники ГПУ».

Из проповеди Святителя Луки:

«Вы спросите: “Господи, Господи! Разве легко быть гонимыми? Разве легко идти через тесные врата узким и каменистым путем?”

Вы спросите с недоумением; в ваше сердце, может быть, закрадется сомнение: легко ли иго Христово?

А я скажу вам: “Да, да! Легко, и чрезвычайно легко”. А почему легко? Потому, что будешь идти не один, вынвиваясь из сил, а будет тебе сопутствовать Сам Христос: потому, что Его безмерная благодать укрепляет силы, когда изнываешь под игом Его, под временем Его; потому, что Он Сам будет поддерживать тебя, помогать нести это время, этот крест.

Говорю не от разума только. А говорю по собственному опыту, ибо должен засвидетельствовать вам, что когда шел я по весьма тяжкому пути, когда нес тяжкое время Христово — оно нисколько не было тяжело, и путь этот был радостным путем, потому, что я чувствовал совершенно реально, совершенно ощутимо, что рядом со мной идет Сам Господь Иисус Христос и поддерживает время мое и крест мой. Тяжелое было это время, но вспоминаю о нем, как о светлой радости, как о великой милости Божией. Ибо благодать Божия изливается преизобильно на всякого, кто несет время Христово. Именно потому, что время Христово нераздельно с благодатью Христовой, именно потому, что Христос того, кто взял крест и пошел за Ним, не оставит одного, не оставит без своей помощи, а идет рядом с ним, поддерживает его крест, укрепляет Своєю благодатью.

Помните Его святые слова, ибо великая истина содержится в них: *«Иго Мое благо и время Мое легко»* (Мф. 11, 30). Всех вас, всех уверовавших в Него — зовет Христос идти за Ним, взяв время Его, иго Его.

Не бойтесь же, идите, идите смело. Не бойтесь тех страхов, которыми устрашает вас дьявол, мешающий вам идти по этому пути. На дьявола плюньте, дьявола отгоните Крестом Христовым, именем Его. Возведите очи свои к горе — и увидите Самого Господа Иисуса Христа, Который идет вместе с вами и облегчает иго ваше и время ваше.

Аминь».

Сергей Михайлович Геращенко, директор Института архитектуры и дизайна СФУ, профессор, автор многих градостроительных, архитектурных и ландшафтных проектов; среди них — памятник Св. Луке Войно-Ясенецкому (совместно со скульптором Б. И. Мусатом):

— В 1990-ые годы возникла идея об установке в городе памятника Святителю Луке; нашлись люди, готовые оплатить его создание, инициативу поддержали многие красноярцы. Борис Ильич Мусат сделал модель, она понравилась заказчикам. Стали искать место; однако об этом сквере — первоначально даже и речи не было. Когда скульптуру отлили из бронзы, — привезли и поместили на задворках Благовещенского монастыря. Если бы там оставили, то горожане не видели бы памятника и не знали бы о нём.

А я живу недалеко от Архиерейского дома,

который потихоньку тогда начали реставрировать... И, проходя мимо этой площадки, постепенно пришёл к уверенности: именно здесь — лучшее место для памятника. Предложил Борису Ильичу. Началась довольно длинная эпопея по переносу. Доказывали чиновникам...

В ноябре 2002 года торжественно открыли памятник.

Лука словно вернулся туда, где и надлежит находиться архиерею, — «поселился» перед старинным архиерейским особняком в бывшем Архиерейском переулке (ныне — ул. Горького). Кажется, что нет ничего случайного...

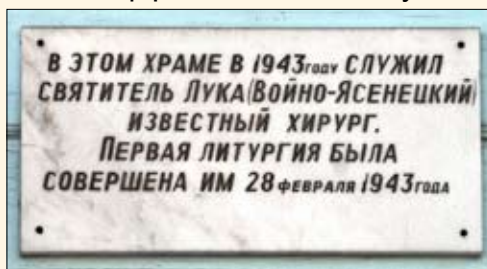
Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий (четвёртый слева во втором ряду) среди медицинского персонала эвакогоспиталя 15-15, 1942 г.

«Господу Богу было ведомо,
какой тяжёлый, тернистый путь ждёт меня»

Церковь Николая Чудотворца (ул. Пролетарская, 157)

Деревянная одноглавая церковь простой архитектуры. Возведена в 1909 году как кладбищенская часовня (на кладбище в Николаевской слободе).

В 1948–1949 годах построены алтарь и притвор.

В конце XIX века началось строительство Транссибирской железной дороги, проходившей через Красноярск. Образовалась слобода строителей, названная в честь императора Николая II — в память о посещении им Красноярска (тогда он был ещё цесаревичем), равно как и в знак верноподданнической признательности за железную дорогу, давшую материальный источник жизни для сотен людей. С 1897 года строители начали селиться в Николаевской слободе.

Кладбище было открыто 8 августа 1908 года для захоронения железнодорожных рабочих — при Николаевском приходе («1256 душ мужского и 1222 души женского пола»); закрыто в 1968 году, однако и сейчас здесь осуществляются единичные семейные захоронения.

«О Мать моя, поруганная, презираемая Мать, Святая Церковь Христова!

Ты сияла светом правды и любви, а ныне что с тобой? Тысячи и тысячи храмов твоих по всему лицу земли Русской разрушены и уничтожены, а другие осквернены, а другие обращены в овощные хранилища, заселены неверующими, и только немногие сохранились. На местах прекрасных кафедральных соборов — гладко вымощенные пустые площадки или театры и кинематографы. О Мать моя, Святая Церковь! Кто повинен в твоём поругании? Только ли строители новой жизни, церкви земного царства, равенства, социальной справедливости и изобилия плодов земных? Нет, должны мы сказать с горькими слезами, не они одни, а сам народ. Какими слезами оплатит народ наш, забывший дорогу в храм Божий?»

1919 г. — первый арест в Ташкенте.

1923–1926 гг. — второй арест в Ташкенте. Предъявлены вздорные обвинения в участии в заговоре оренбургских казаков и в связях с английской разведкой. Отправлен в Москву. Бутырская тюрьма. Этап в ссылку: Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск, Енисейск, Богучаны, деревня Хая, Туруханск, стан Плахино (за полярным кругом).

1930 г. — третий арест в Ташкенте. Сфабриковано дело по обвинению «в укрывательстве убийцы». Осуждён на 3 года, с высылкой в Северный край.

1931–1933 гг. — этап второй ссылки: Самара, Котлас, Архангельск.

1937 г. — четвёртый арест в Ташкенте. Обвинение: шпионаж. Дважды проведён двухнедельный допрос конвейером. Осуждён на 5 лет высылки в Сибирь.

1938–1944 гг. — этап третьей ссылки: Алма-Ата, Новосибирск, Красноярск, Большая Мурта, Красноярск.

После октябрьского переворота 1917 года большевиками начаты гонения на православную церковь. Количество епископов и священников — расстрелянных, повешенных, замученных в лагерях и ссылках — исчисляется десятками тысяч.

Храмы закрывались, позже — взрывались и сносились. В начале XX века в Енисейской губернии действовали 236 церквей, в том числе 14 — в Красноярске.

Бесчинствовали комсомольские активисты, подстрекаемые государственной пропагандой. Агрессивный настрой поощрялся «Союзом воинствующих безбожников» (создан в 1925 г.), нанёсшим непоправимый урон отечественной культуре. Миллионными тиражами издавались антирелигиозные пасквильные газеты, журналы, брошюры. Была развёрнута колоссальная кампания клеветы и издевательств, вдохновляющая на погромы «безбожников-атеистов» и «народные массы». Осквернение святых мест, разорение храмов, уничтожение икон — стали повсеместными и узаконенными. Глумление и физическое насилие стимулировались всеми государственными структурами.

«Правильное представление о Христовом учении я вынес из усердного чтения Нового Завета. Очень многие места этой святой книги произвели на меня глубочайшее впечатление.

Но ничто не может сравниться по огромной силе впечатления с тем местом Евангелия, в котором Иисус, указывая ученикам на поля созревшей пшеницы, сказал им: “Жатвы много, а делателей мало. Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою” (Мф. 9, 37).

Когда Господь призвал меня делателем на ниву Свою, я был уверен, что этот евангельский текст был первым призывом Божиим на служение Ему».

Алтарь церкви Николая Чудотворца

В годы войны «Союз воинствующих безбожников» прекратил своё преступное существование. В 1947 году его функции были переданы Всесоюзному обществу «Знание».

«В Красноярске во все воскресные и праздничные дни я ходил далеко за город в единственную маленькую кладбищенскую церковь, в Николаевке, предместье Красноярска, так как другой церкви в городе нет. Ходить я должен был по такой грязи, что однажды на полдороге завяз и упал в грязь, и должен был вернуться домой.

Служить архиерейским чином было невозможно, так как при мне не было никого, кроме одного старика-священника, и я ограничивался только усердной проповедью слова Божия».

От дома, где жил Войно-Ясенецкий, до церкви Николая Чудотворца — расстояние 5 км.

«Весной 1930 года стало известно, что Сергиевская церковь в Ташкенте предназначена к разрушению. Я не мог стерпеть этого; и когда приблизилось назначенное для закрытия церкви время, я принял твёрдое решение: отслужить в этот день последнюю литургию, и после неё, когда должны будут явиться враги Божии, запереть церковные двери, снять и сложить грудой на середине церкви все крупнейшие деревянные иконы, облить их бензином, в архиерейской мантии взойти на них, поджечь бензин спичкой и сгореть на костре... Я не мог стерпеть разрушения храма... Оставаться жить и переносить ужасы осквернения и разрушения храмов Божиих для меня было совершенно нестерпимо. Я думал тогда, что моё самоожжение устранил и вразумит врагов Божиих — врагов религии — и остановит разрушение храмов, колоссальной дьявольской волной разлившееся по всему лицу земли Русской.

Однако Богу было угодно, чтобы я не погиб в самом начале своего архиерейского служения, и по Его воле закрытие Сергиевской церкви было почему-то отложено на короткий срок. А меня в тот же день — 23 апреля 1930 года — арестовали.

Церковь разрушили, когда я был в тюрьме».

«Большевики не способны понять смысл религии. Так дальтоник не различает цвета. Их следует пожалеть за это. Не знают они Писания. Ничего не знают. Как они не понимают, что религия, как ни одно другое учение, поднимает человека в нравственном отношении? Чем заменить её? Нечем! Пока, кроме разрушения нравственного облика человека, мы ничего вокруг себя не видим...».

Из книги О. В. Волкова «Погружение во тьму» (период архангельской ссылки):

«...Он присылал за мной кого-нибудь из своего окружения. Я шёл в больницу, и санитар провожал меня к нему в хирургическое отделение.

Он выглядел из операционной — с опущенной на бороду маской, в халате и белой шапочке — и просил обождать. Потом двери распахивались перед профессором, и он появлялся — высокий, величественный, в рясе до пят и монашеской тёмной скуфье. На тяжёлой цепи висела старинная панагия. Я спешил подойти под благословление, и Преосвященный Лука широко и неторопливо меня крестил. Потом мы троекратно лобызались.

Известнейший хирург, профессор Войно-Ясенецкий, он же епископ Лука, приучил работавших с ним к молитвам, без которых не приступал к операциям, и к священникам, которых, по просьбе больных, приводил в палаты для исповеди или причастия. Так что православные обычаи и обрядность в стенах этой советской больницы — принимались как должное. Искусство, прославившее хирурга, служило надёжным заслоном: всеисильное ведомство следило, чтобы Преосвященного не слишком утесняли. Пусть себе “тешится” крестами да поклонами, бормочет молитвы, лишь бы, когда припечёт, был под рукой хирург-волшебник.

В Архангельске не осталось ни одной церкви. Был взорван собор. На богослужения приходилось идти далеко за город, в кладбищенскую церквушку; вот Преосвященный и брал меня иногда с собой. Служить ему было запрещено, и на службах он присутствовал наравне с мирянами. Даже никогда не заходил в алтарь, а стоял в глубине церкви, на лево от входа с паперти.

— Мне-то ничего не сделают, даже не скажут, если я и постою у престола или служить вздумаю, — говорил Владыка. — А вот настоятелю, церковному совету достанется: расправятся, чтобы другим неповадно было. Меня терпят, но смотрят зорко — не возьмёт ли кто с меня пример? И горе обличённому! А мне каково? Знать, что служишь привадой охотнику? Я окружён агентами. Вот и рад, когда ко мне приходят, и страшусь. Не за себя, конечно...

Кладбищенская церковь на окраине Архангельска всегда полна. Молящиеся — в большинстве те же измученные, придавленные безысходностью, разорённые крестьяне, что и на городских улицах. Самые отчаявшиеся лепятся к паперти; хотя на кого было рассчитывать? У Владыки всегда припасён кулёк с едой. Раздать её он поручает монахине, прислуживающей в храме. И как ни убога эта старенькая церквушка с облезлыми главками и закопчёнными сводами, она оставалась символом, маяком, возвышающимся над жалкой, бесправной жизнью. Светит, несмотря ни на что... И вот я иду открыто по улице бок о бок с князем Церкви. Пусть всверливаются в нас острые прищуренные глаза, строчатся доносы, — в этом лилипутском вызове кодексу советского правильного человека есть несомненная крупная утверждения, способная стать кому-то примером, кому-то — ободрением...».

«Обязан заниматься тем, что полезно для страждущих людей»

КрасГМУ им. проф. В. Ф. Войно Ясенецкого
(ул. Партизана Железняка, 1)

Хирургическая практика Валентина Феликсовича неразрывно связана с его научной деятельностью.

Окончив — с отличием — в 1903 году медицинский факультет Киевского университета (любопытно отметить, что после гимназии и Киевской художественной школы он учился последовательно: в Петербург-

ской академии художеств, на юридическом факультете Петербургского университета, в Мюнхенской художественной школе), В. Ф. Войно-Ясенецкий — выбрал тяжёлую работу земского врача. Несмотря на многочисленные рекомендации остаться при кафедре («Как, Вы будете земским врачом?! Ведь Вы — учёный по призванию!»)...

«На третьем курсе медицинского факультета я страстно увлёкся анатомией и изучением операций на трупах. Произошла интересная эволюция моих способностей: умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии и тонкую художественную работу при анатомической препаровке и при операциях на трупах. Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии.

Государственные экзамены я сдал блестяще, и профессор общей хирургии сказал мне: «Доктор, вы теперь знаете гораздо больше, чем я, ибо вы прекрасно знаете все отделы медицины, а я уже многое забыл, что не относится прямо к моей специальности»».

...Тринадцать лет (1904 — 1917 гг.) проработал Войно-Ясенецкий земским врачом в больницах Симбирской, Курской, Орловской, Саратовской губерний; оперировал по всем отделам хирургии и офтальмологии; печатал статьи в медицинских журналах; экстерном (при Московской хирургической клинике и Институте топографической анатомии и оперативной хирургии) блестяще защитил докторскую диссертацию о регионарной анестезии.

«Сразу стать земским врачом мне не пришлось, так как я окончил университет осенью 1903 года, перед самым началом войны с Японией: началом моей медицинской работы была военно-полевая хирургия в госпитале Киевского Красного Креста возле города Читы.

Я не был кадровым врачом и военной формы никогда не носил».

Занимаясь научной работой, Войно-Ясенецкий всегда руководствовался желанием облегчить страдания больных и труд врачей. Учитывая несовершенство общего наркоза (который, по словам великого хирурга, «часто был опаснее самой операции»), он приложил много усилий к применению и практическому закреплению более совершенных методов местного обезболивания, в частности, регионарной анестезии.

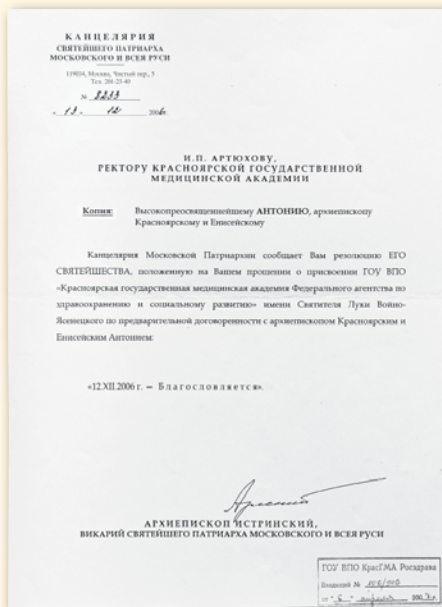
Из монографии «Очерки гнойной медицины»:

«Чрезвычайно тяжёлый путь сельского хирурга-самоучки, который мне пришлось пройти, научил меня весьма многому, чем хотелось бы поделиться с молодыми товарищами, чтобы облегчить их трудные задачи...

Приступая к операции, надо иметь в виду не только, к примеру, брюшную полость, а всего больного человека, который, к сожалению, так часто у врачей именуется «случаем». Человек в смертельной тоске и страхе, сердце у него трепещет не только в прямом, но и в переносном смысле. Поэтому не только выполните весьма важную задачу подкрепить сердце камфарой или дигаленом, но позаботьтесь о том, чтобы избавить его от тяжёлой психической травмы: вида операционного стола, разложенных инструментов, людей в белых халатах, масках, резиновых перчатках — усыпите его вне операционной. Позаботьтесь о согревании его во время операции, ибо это чрезвычайно важно».

Из трактата «Дух, душа и тело»:

«Состояние духа больного, его доверие или недоверие врачу, глубина его веры и надежды на исцеление или, наоборот, психическая депрессия, вызванная неосторожными разговорами врачей в присутствии больного о серьёзности его болезни, глубоко определяют исход болезни. Психотерапия, состоящая в словесном, вернее, духовном воздействии врача на больного, — общепризнанный, часто дающий прекрасные результаты метод лечения многих болезней».

Из воспоминаний врача, профессора Л. В. Ошанина

«Прежде, чем приступить к операции, будущий Владыка Лука осенял себя крестным знаменем и сосредоточенно молился. Повернувшись к иконе Божией Матери, которая висела в операционной. В начале 1920 года одна из ревизионных комиссий приказала убрать икону. В ответ на это В. Ф. ушёл из больницы и заявил, что вернётся только после того, как икону вернут на место.

Комиссия выразилась в том смысле, что «операционная — учреждение государственное. У нас Церковь отделена от государства. Если вашему хирургу хочется молиться, пусть молится, никто ему не мешает, но пусть держит икону у себя дома». В. Ф. повторил, что в операционную не вернётся.

В это время крупный ташкентский партиз привёз в больницу свою жену для неотложной операции. Женщина категорически заявила, чтобы её оперировал только Войно-Ясенецкий. Его вызвали в приёмную. Он подтвердил, что очень сожалеет, но, согласно своим религиозным убеждениям, не пойдёт в операционную, пока икону не повесят обратно. Доставивший больную дал «честное слово», что икона завтра же будет на месте, лишь бы врач немедленно приступил к операции. В. Ф. пошёл в хирургический корпус и оперировал женщину, которая в дальнейшем успешно поправилась. На следующее утро икона висела в операционной.

...Лекции в университете В. Ф. читал с крестом на груди, в рясе. Студенты его любили, хотя и побаивались.

Кроме операций и преподавания, много занимался живописью: писал иконы для храма и анатомические таблицы для университетских занятий. Власти долго это терпели, уговаривали бросить церковные дела, но он не поддавался.

Летом 1921 года его призвали свидетельствовать в суде по делу врача П. П. Ситковского о «вредительстве против раненых красноармейцев». Тогда во главе ташкентского ЧК стоял латыш Петерс, имевший в городе грозную репутацию человека неумолимо-жестокоего и быстрого на вынесение приговоров с «высшей мерой».

Петерс решил сделать суд показательным. Как и большинство латышей из ЧК, он скверно знал русский язык, но назначил себя — общественным обвинителем. В этой роли он произнёс обвинительную речь. Были в ней и «белые охвостья», и «явное предательство». Над обвиняемыми нависла угроза расстрела.

При открытом допросе В. Ф. бесстрашно напал на грозного Петерса, он буквально громил Петерса, как круглого невежду, который берётся судить о вещах, в которых ничего не понимает, как бессовестного демагога, требующего расстрела для честных и добросовестных людей.

Зал суда был полон рабочими, поскольку сам суд нужен был для «воспитательных целей»: показать трудящимся их врагов — прислужников мирового империализма. Но спектакль пошёл насмарку, когда вызвали профессора.

Книги В. Ф. Войно-Ясенецкого в холле главного корпуса

(три года работавшего в ташкентской больнице под руководством В. Ф. Войно-Ясенецкого):

— Поп и профессор Ясенецкий, — обратился Петерс, — считаете ли вы, что профессор Ситковский виновен в безобразиях, которые обнаружены в его клинике?

(По первому пункту обвинения заведующему клиники вменялся в вину развал дисциплины среди больных и персонала. Раненые, лежащие в клинике, пьянствовали, дрались, водили в палаты блудниц, а врачи и медсёстры этому якобы потворствовали.)

— Гражданин общественный обвинитель, — отвечал В. Ф., — я прошу по этому делу арестовать и меня. Ибо и в моей больнице царит такой же беспорядок, что и у профессора Ситковского.

— А вы не спешите, придёт время, и вас арестуем! — заорал Петерс.

Второй вопрос касался случая с «червями», которых врачи подкладывали под повязки раненым бойцам. В. Ф. объяснил, что никаких червей не было, но были личинки мух, которые действуют на заживление ран благотворно — при отсутствии лекарственных препаратов. Английские медики даже применяли личинок в качестве своеобразных стимуляторов заживления. Опытный лектор, В. Ф. так внятно и убедительно растолковал суть дела, что даже рабочая часть зала одобрительно загудела.

— Какие там личинки... Откуда вы всё это знаете? — рассердился Петерс.

— Да будет известно гражданину общественному обвинителю, — с достоинством ответил В. Ф., — что я окончил не двухлетнюю советскую фельдшерскую школу, а медицинский факультет Университета Святого Владимира в Киеве.

В зале аплодировали. Высокое положение всеильного чекиста требовало, чтобы профессор был посрамлён, унижен, раздавлен. Выходило наоборот.

— Скажите, поп и профессор Ясенецкий, как это вы ночью молитесь, а днём людей режете? — язвительно и с апломбом продолжил Петерс.

— Я режу людей для их спасения; а во имя чего режете людей вы, гражданин общественный обвинитель?

Зал опять встретил эти слова аплодисментами. Все симпатии были на стороне священника-хирурга.

Следующий вопрос — по расчётам Петерса — должен был изменить настроение рабочей аудитории:

— Как это вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий? Разве вы его видели — своего Бога?

— Бога я действительно не видел. Но я много оперировал на мозге, и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил.

Зал буквально сотрясся от взрыва хохота.

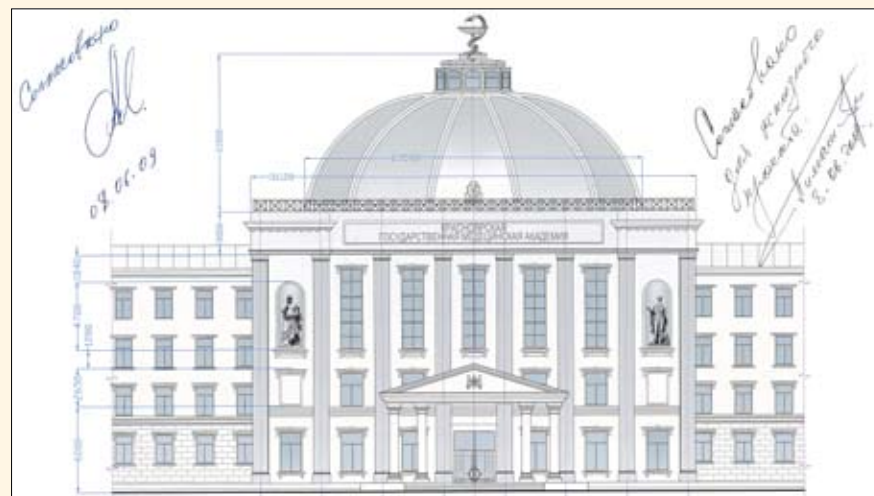
Показательное ташкентское «дело врачей» провалилось. Времена ещё не настали полностью людоедские. По общему мнению, ответы и речь Войно-Ясенецкого спасли врачей от расстрела».

Храм Святителя Луки, Архиепископа Красноярского в здании главного корпуса по ул. Партизана Железняка, 1

И. Н. Вильчевский. Из цикла акварелей «Святой Лука на Енисее». Хранится в музее КрасГМУ им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого

Осенью 2012 года — к 70-летию университета — был надстроен масштабный купол на здании главного корпуса КрасГМУ. Здесь разместились экспозиции музейного комплекса памяти Св. Луки Войно-Ясенецкого.

Автор проекта — народный архитектор России А. С. Демирханов. Рабочая документация подготовлена в ОАО «Научно-технический прогресс». Монтаж конструкции осуществлён ЗАО «Стальмонтаж».

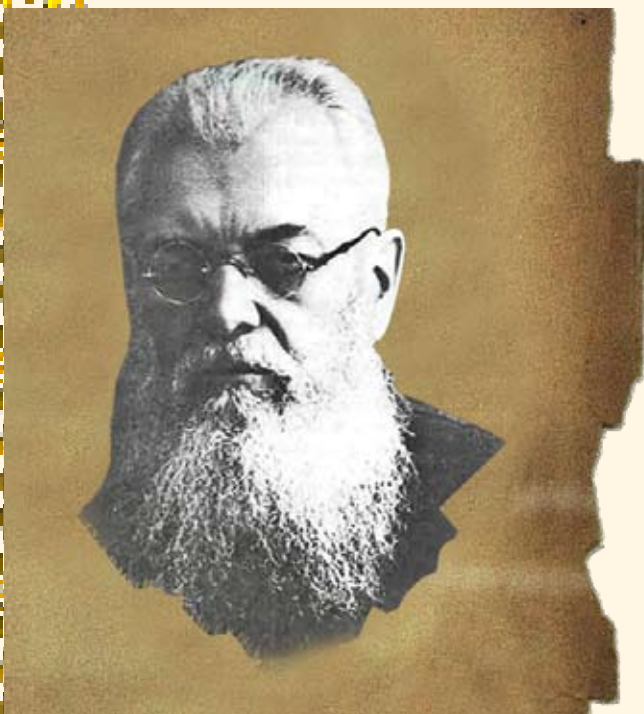
Возведение купола

Иван Павлович Артюхов,
ректор КрасГМУ
им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого,
доктор медицинских наук, профессор:

— В 2007 году нашему университету — тогда ещё академии — согласно резолюции Московской патриархии, было присвоено имя В. Ф. Войно-Ясенецкого. Это большая честь и ответственность — как для профессорско-преподавательского состава, так и для всех студентов. Мы чтим его выдающийся вклад в науку, равно как и подвижническую религиозную деятельность. При нашем университете — действует храм Святителя Луки, Архиепископа Красноярского. Помним слова Валентина Феликсовича: *«Для врача не должно быть “случая”, а только — живой, страдающий человек».*

Сегодня — в музее КрасГМУ имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого хранятся фотографии и исторические документы, связанные с его работой и жизнью в нашем городе.

В Туруханске, по словам санитарки районной больницы, «профессора Луку знает весь народ», с благодарностью вспоминают о том, что он возвратил здоровье множеству людей — несмотря на то, что оборудование в больнице было примитивное, а инструменты перед операцией кипятили в самоваре... А ведь делал сложнейшие операции — глазные, гинекологические, чревосечения, резекции.

Однажды на приём к Валентину Феликсовичу пришла женщина с больным ребёнком. На вопрос, как зовут мальчика, ответила: «Атом», и объяснила удивлённому врачу, что имя новое, сами выдумали. На что Валентин Феликсович спросил: «Почему не назвали поленом или окном?»

— Эта женщина была женой председателя крайисполкома В. Бабкина, который написал заявление в ГПУ о

необходимости повлиять на «реакционера, распространяющего ложные слухи, представляющие опиум для народа» с припиской: «Секретно. Губуполномоченному ГПУ — для сведения и принятия мер».

5 ноября 1924 года хирург был вызван в ГПУ, где с него взяли подписку о запрете богослужений, проповедей и выступлений на религиозную тему, а также потребовали отказа епископа от установленной им традиции давать благословление пациентам. Это вынудило Валентина Феликсовича написать заявление об увольнении из больницы. Тогда за него вступился отдел здравоохранения Туруханского края.

После трёх недель разбирательств 7 декабря 1924 года Енгуботдел ГПУ постановил: вместо суда избрать меру пресечения гр. Ясенецкого высылку в деревню Плахино, в низовьях реки Енисей, в 230 км за полярным кругом.

Во всех местах ссылок епископ Лука оказывал медицинскую помощь, оперировал, никогда не отказывал в помощи сирым и убогим, не брал денег за лечение, мог днями заниматься с больными грязными деревенскими ребятишками.

На каждую операцию полагалось получить разрешение, которое давали неохотно: растущая популярность епископа-хирурга у местного населения — раздражала любых начальников.

В Енисейске Архиепископа вызвали в ГПУ. Едва он, как обычно, в рясе и с крестом, переступил порог кабинета, чекист заорал:

— Кто вам позволил заниматься практикой?

— Я не занимаюсь практикой в том смысле, какой вы вкладываете в это слово. Я не беру денег у больных. А отказать, уж извините, не имею права...

К ссыльному хирургу частенько подсылали больных «разведчиков»-стукачей, которые предлагали деньги. Будучи уверенным, кого он лечит, всегда говорил:

— Это Бог вас исцелил моими руками. Молитесь Ему.

В конце 1945 года — в Тамбове — Владыку Луку и его секретаря пригласили в областной исполком партии, чтобы вручить им медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После вручения наград председатель сказал:

— Ваш труд, как консультанта эвакогоспиталей, завершён и высоко оценён партией и народом. Мы надеемся, что Вы и впредь будете делиться своим опытом с советскими медиками.

Архиепископ ответил:

— Я учил и готов учить врачей тому, что знаю. Я вернул жизнь и здоровье сотням, а, может быть, и тысячам раненых, и наверняка помог бы ещё многим, если бы вы (он подчеркнул это «Вы», давая понять, что придаёт слову широкий смысл, а не обращается конкретно к председателю) не схватили меня ни за что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле.

У начальства эти слова вызвали шок. Несколько минут в президиуме и зале царил тягостная тишина.

Придя в себя, председатель негромко проговорил, что прошлое пора и забыть, а жить надо настоящим и будущим.

Владыка Лука Войно-Ясенецкий уверенно произнёс:

— Нет уж, извините, не забуду никогда!

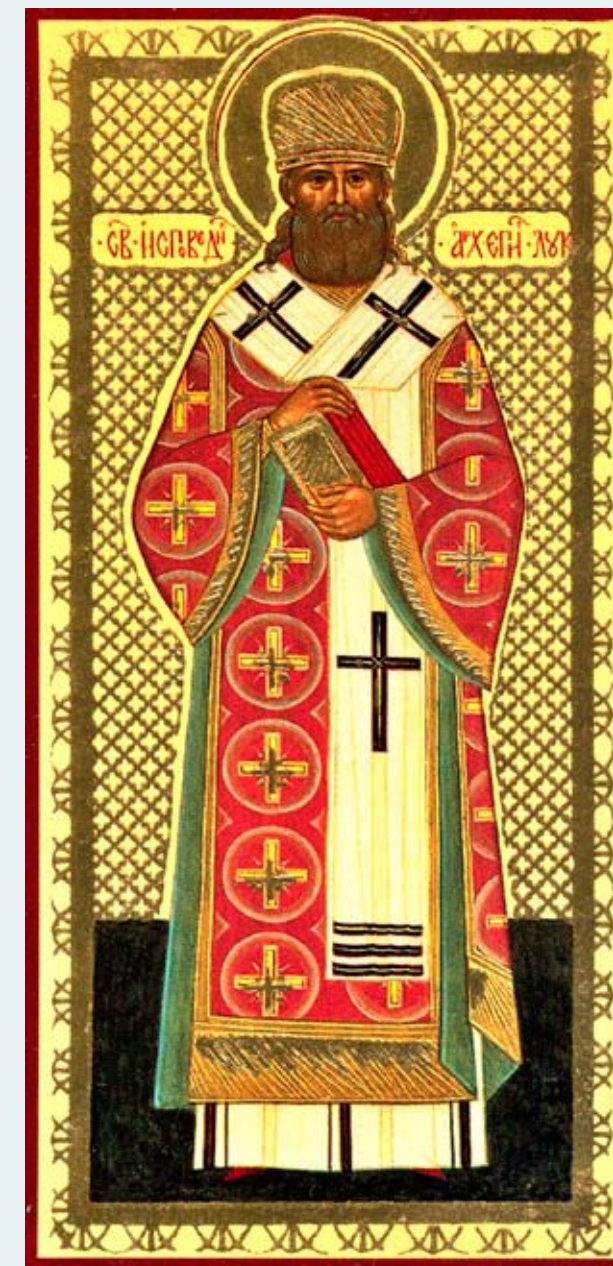
Летним днём Архиепископ Лука шёл по улице. Был он, разумеется, в рясе и в клобуке. Недалеко играли дети.

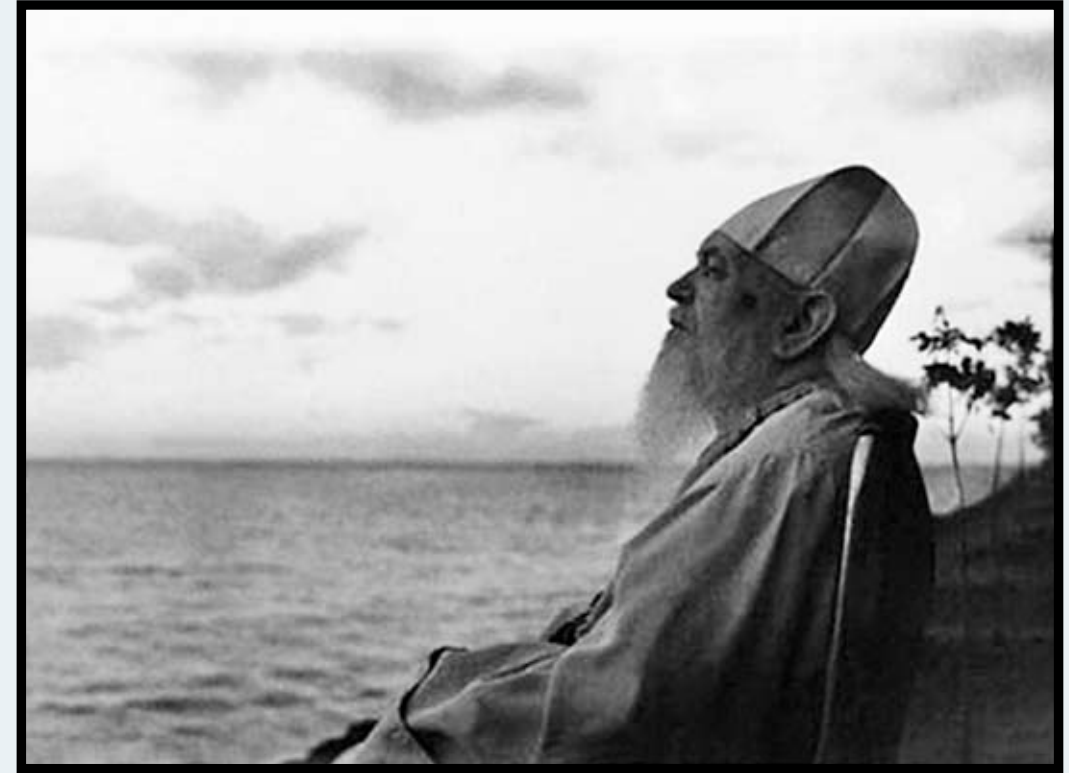
Владыку увидел милиционер — и буквально набросился на него:

— Гражданин, почему вы тут гуляете в таком виде? Здесь же дети!!! Подумайте, какой вы пример подаёте!

Св. Лука отвечал:

— А, по-вашему, так: если бы я нацепил кобурку с пистолетом, это было бы для них лучшим примером?

11 июля 1961 года в 84-летнем возрасте в Симферополе
Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий завершил свой жизненный путь.

На надгробии высечено:

Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий
18 (27). IV. 77 – 19 (11). VII. 61
Доктор медицины, профессор хирургии,
лауреат

За оказанную поддержку благодарим
руководителей предприятий:

• Голдыреву Марину Николаевну (ООО «Практика»)

Памятные места Святителя Луки Войно-Ясенецкого в Красноярске

Редактор О. С. Кечин. Фотографии Б. М. Кацева.
Корректор Т. И. Белоусова. Компьютерная верстка А. С. Бардиной.
Подписано в печать

